этапа. На территории МСП оно называлось «заручины», «запоины», «запой», «запой». Сватать могли только «свойники» (сваты)-пожилые, почитаемые родственники жениха (часто крестный отец или дядя жениха по матери, что обычно совпадало) или сваха при участии жениха или отца жениха или без них. Войдя в дом невесты, свааты начинали словесную игру с традиционными метафорами. В случае согласия гостей приглашали за стол, угощали. Через неделю после сватовства происходили «узглядьины». Родители и родственники жениха и невесты посещали друг друга, «смотрели» хозяйство, приданое, договаривались о свадьбе. Затем справляли «ладины» («запой»), цель которых – закрепить согласие молодых и их родителей. Результаты сговора зачастую отражались в письменном виде, так как считали, что «слово – ветер, а бумага – грунт». Родители невесты писали «предбрачную» – документ, удостоверяющий приданое невесты. Вручалась предбрачная отцу жениха. *Пирит свадьбай усегда бывають ЗАРУЧИНЫ, кыда жаних сватаица к нявести.* Литвиновка, Ершич., Смл. *Заўчора хлопец з Анофрына хадиў к суседям у свааты, ЗАРУЧИНЫ у их былы.* Селец, Мстисл., Мгл. *Пирит свадьбай жыних едит с радней к нявести на ЗАПОЙ, дзьгварывыца ап свадьбы.* Литвиновка, Ершич., Смл. *Як свааты приходили, дельпы ЗАПОЙ. Дык мы с маткай пякли пираги усю ночь.* Лобковичи, Крич., Мгл.

На территории Мстиславского района встречается четырехкомпонентная структура предбрачного сговора: первое посещение сватов – «сугляды» (то же, что смотрины), второе – «запоины», где родители невесты давали свое согласие на брак, затем отец невесты «глядел двор», т.е. осматривал хозяйство жениха, и заканчивался предбрачный сговор «заручинами» (помолвкой). На территории других районов предбрачный сговор имеет двухкомпонентную структуру: «сваты» (сватовство) и «заручины» (помолвка).

После этого считалось, что «дело заведено» – скоро будет свадьба, и надо к ней готовиться. Одно из важнейших занятий в это время – печение каравая, который символизировал богатство и зажиточность семьи. Накануне свадьбы у невесты собирались девушки, ее подруги, на «девичь вечер» («девички», «девичню»). Невеста выбирала себе «подневестницу» – свидетельницу, жених – «подженишника» – свидетеля из числа наиболее разговорчивых и находчивых молодых девушек и парней: *ПАДНЯВЕСНИЦА на свадьбы далжна быть як сарока у леси.* Татарск, Мокас., Смл. *ПАДНЯВЕСНИЦА далжна ПАДЖАНИШНИКУ дать адбой, штоп была дэўка-бой.* Селец, Мстисл., Мгл.

Второй этап свадебной обрядности – собственно свадьба: «гуль», «гульба», «веселки», «веселое гулянье», «веселый пир», «свадебный стол». *А ГУЛЬ мы спраўляли пасля Пасхи, раньшы батюшка ни вяччаў.* Викторovo, Красн., Смл.

Собственно свадьба включала в себя следующие моменты: подготовка и украшение свадебного поезда во главе с «тысяцким» – распорядителем свадебного поезда; приезд дружины жениха за невестой, венчание, свадебное застолье в доме невесты, отъезд к «молодому» (жениху), встреча молодых, застолье в доме жениха. Наиболее важным из всех происходящих в день свадьбы обрядов считалось венчание. Сохранялся традиционный обычай, согласно которому «снарядиха» – тетка невесты – одевала ее к «венцу». Во время венчания «дружики» (друзья) расстилали на полу рушник, на который становились молодые. Подженишник («шаферный») становился рядом с невестой, подневестница («шаферица») – рядом с женихом.

После застолья в доме невесты «свадебный поезд» (его составляли свааты, дружки вместе с родственниками жениха и невесты) отправлялся в дом жениха. Его встречали торжественно, с шутками: останавливали, «закидывали зайца» – требовали «выкуп» за проезд. Родители жениха встречали хлебом-солью, иконой, благословляли. После этого начиналось застолье в доме жениха – «княжий стол». Специальные свадебные чины – «кубельники» – привозили в это время приданое невесты – «пасаг».

Символическим атрибутом славянского свадебного обряда было домотканое полотно: его готовили для приданс-

Т.С. Воробьева (г. Могилев, РБ)

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В зоне могилевско-смоленского пограничья (МСП) исторически сложился этнолингвистический ареал, представляющий интерес для специалистов разных гуманитарных наук – истории, этнографии, лингвистики. Традиционная культура МСП представляет собой уникальный и самобытный феномен с необычным и интереснейшим багажом знаний.

Объектом нашего исследования является свадебный обряд, источником фактического материала – картотека диалектологических экспедиций студентов факультета славянской филологии, личные наблюдения, а также некоторые издания фольклорных и этнографических материалов этого региона.

Свадебный обряд МСП в целом сохранил черты восточнославянской традиции, где вся свадебная обрядность обычно делится на предсвадебный (подготовительный), собственно свадебный и послесвадебный (заклучительный) этапы. Как отмечают исследователи, варьирование чаще всего наблюдается в ритуальных действиях этих этапов и в составе их функционально маркированных участников (чинов).

Повсеместно свадебный обряд начинался со сватовства, которое было основным действием предсвадебного

го невесты и дарили молодым на свадьбе, как бы желая им долгой, чистой, светлой жизни. В свадебных песнях говорится о нем совершенно определенно:

*Дару табе палатно белое, чыстае, доўгае,
Каб жыццё тваё была добрае...*

Домотканое полотно было основной, обязательной частью приданого невесты. Чтобы наткать его, требовались годы кропотливого труда, поэтому готовность всего приданого определялась по наличию полотна. Для обозначения этого факта использовался фразеологизм *наткать трубы*: *Нявеста тады гатова исти замуш, калі у яе ТРУБЫ НАТКАНЫ*. Татарск, Монас., Смл.

В первый день свадьбы происходили и другие обряды. Дружки жениха должны были «**выкупить стол**» – угостить всех родственников и близких невесты водкой. «Княжество» (гости свадебного пира) одаривали молодых подарками. Свадьбу справляли несколько дней. На второй день шли «**горох молотить**» – играть второй день свадьбы. Важным действием в это время являлся обряд посвящения в женскую жизнь – «**молодухи**»: лучшее девичье украшение – волосы – заплетали по-женски в две косы или накручивали на льняной жгут – «**тканку**» и надевали на голову женский чепец или повязывали платок. Этот обряд назван фразеологизмом **повязываться молодухой (молодушкой)**: *Щас на свадьби МАЛАДУХАЙ ужо ни ПАВЯЗЫВАЮЦЦА, а раньшы, калі деўка жонкай делаицца, тады яна ўжо маладуха. Яна косы кругам галавы абматая и на их платок завязвайт, а яшчэ раньшы чепец надівалі*. Полошково, Клим., Мгл.

Третий день свадьбы назывался по-разному: «**званки**», «**крошки**»; последний день – «**догулы**», «**догулки**», «**отходины**», «**пакрошни**»: *У нашай дярэўні ДАГУЛЫ былі толькі на сідьмой дзень, пакуль ні пагуляла уся дярэўня*. Липовка, Хотим., Мгл.

После того как «**отойдет стол**» (после свадебных угощений), наступал заключительный этап свадебной обрядности. Основным на этом этапе был обычай, согласно которому гости (сваты, соседи и родственники жениха и невесты) приглашали к себе «**на банкеты**» (в гости).

Занимавшийся проблемами типологии свадебного обряда К.В. Чистов отмечает важную особенность свадебных действий, а именно «перескакивание» отдельных элементов из одного ритуала в другой, что особенно характерно для пограничных регионов [2, с. 223]. На нашей территории, например, невеста «дарит жениха», т.е. вручает подарки родственникам жениха, в Костюковичском районе – во время заручин и сугляд, в Мстиславском – во время девичника, в Хотимском – во время свадебного застолья в доме жениха; «откуп косы» в Костюковичском районе проходил во время сугляд невесты, в Хотимском – во время свадебного застолья в доме невесты. *Мая дачка багата ЖАНИХА ДАРЫЛА, падаркі усім панравіліся – і бацькам, і раднё*. Ковшово, Мстисл., Мгл.

Таким образом, свадебный обряд могилевско-смоленского пограничья представляет собой сложный комплекс, включающий в свой состав разнообразные по семантике, времени и месту исполнения обрядовые элементы.

Литература:

1. Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование / отв. ред. Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 378 с.
2. Чистов, К.В. Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда / К.В. Чистов // Проблемы типологии в этнографии. – М., 1979. – С. 223-230.